

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2023-1-123-138

## **Роман Константина Сергиенко «Ксения»: контексты прочтения**

**Олег Николаевич Владимиров**

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт  
Кемеровского государственного университета  
Новокузнецк, Россия

vлади-oleg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-9513>

### *Аннотация*

Роман К. Сергиенко «Ксения», обращенный к событиям Смутного времени, рассматривается в таких взаимосвязанных контекстах, как традиции европейской и русской исторической прозы, предшествующие версии сюжета о Лжедмитрии, творчество писателя и его современников. Эти прочтения книги не отменяют внутритекстового ее анализа.

К традиционным сюжетобразующим мотивам исторического романа, усвоенным и развитым в «Ксении», относятся странствия и судьба частного человека в кризисную эпоху. В соответствии с этой традицией вымышленный персонаж Михаил Туренев уравнивается в книге с подлинными деятелями той эпохи.

Его, как и царевну Ксению, автор доводит до эпилога. Центральное место героини в системе персонажей подтверждено и названием книги, и кольцевой композицией – от рождения Ксении и наречения ее этим именем до объявления князем Дмитрием Пожарским имени своей дочери в честь царевны Ксении.

По месту и роли в развитии сюжета Самозванец сопоставим с Туреневым и с Ксенией, а не с Шуйским, как у Сумарокова, не с Борисом Годуновым, как в трагедии Пушкина. Призрачность присутствия Лжедмитрия в истории подчеркивается его растроением, обратной градацией, другими приемами.

Влияние пушкинской трагедии заметно, в частности, в сквозном персонаже Пронке: у него в конце книги та же роль, что и у юродивого в «Борисе Годунове», – быть «гласом народа».

Любовный треугольник, образуемый Ксенией, антиподами Туреневым и Лжедмитрием, напоминает расстановку соответствующих им персонажей в «Димитрии Самозванце», «Капитанской дочке», «Князе Серебряном».

Устойчивый в исторической романистике и в творчестве Сергиенко комплекс сюжетобразующих мотивов в романе усложнен оригинальными мотивами. Это мотивы неосуществимых планов, «скрещения» путей героев как проявления осознаваемой ими детерминированности, мотивы любви и творчества. Взаимной любовью, созиданием, участием в защите Отечества преодолевается разрушительная стихия жизни, нереализованность замыслов и достигается искомая героями романа гармония. С этими мотивами соотнесен еще один мотив – покоя в разных значениях, особенно в таком его по-

© Владимиров О. Н., 2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2023. № 1. С. 123–138  
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 1, pp. 123–138

### *Литературная жизнь сюжета*

нимании, как равновесие в природе, долженствующего быть основой гармоничного существования человека в мире.

Высокая степень сближения писателя и его протагонистов напоминает о произведениях современников Сергиенко, герои которых принимают абсурдную реальность и находят в себе силы для сопротивления ей.

В романе «Ксения», отталкиваясь от предшествующих произведений о российском кризисе начала XVII в. и учитывая традиции исторической прозы и знания о катастрофическом опыте XX в., писатель предлагает свой взгляд на причинно-следственные связи событий Смутного времени.

#### *Ключевые слова*

К. Сергиенко, «Ксения», исторический роман, межтекстовые связи, сюжет, мотив

#### *Для цитирования*

Владимиров О. Н. Роман Константина Сергиенко «Ксения»: контексты прочтения // Сюжетология и сюжетология. 2023. № 1. С. 123–138. DOI 10.25205/2713-3133-2023-1-123-138

## **The Novel by Konstantin Sergienko “Ksenia”: Reading Contexts**

**Oleg N. Vladimirov**

Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute  
of Kemerovo State University  
Novokuznetsk, Russian Federation

vlati-oleg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-9513>

#### *Abstract*

Sergienko’s novel “Ksenia” (“Ксения”), which addresses the events of the Time of Troubles, is considered in such interrelated contexts as the traditions of European and Russian historical prose, the preceding versions of the plot about False Dmitry, the work of the writer and his contemporaries. These readings of the book do not cancel its in-text analysis.

The traditional plot-forming motives of the historical novel, assimilated and developed in “Ksenia”, include the wanderings and fate of a private person in a crisis era. In accordance with this tradition, the fictional character Mikhail Turenev is equated in the book with the real figures of that era.

He, like Princess Ksenia, is brought to the epilogue by the author. The central place of the heroine in the system of characters is emphasized by both the title of the book and the ring composition – from the birth of Ksenia and naming her by this name to the announcement by Prince Dmitry Pozharsky of the name of his daughter in honor of Princess Ksenia.

According to the place and role in the development of the plot, the Impostor is comparable to Turenev and Ksenia, and not with Shuisky, like Sumarokov, not with Boris Godunov, as in Pushkin’s tragedy. The illusory presence of False Dmitry in history is enhanced by his disorder, reverse gradation, and other techniques.

The influence of Pushkin’s tragedy is noticeable, in particular, in the end-to-end character Pronka: he has the same role at the end of the book as the fool in “Boris Godunov” – to be the “voice of the people”. The love triangle formed by Ksenia, the antipodes Turenev and False Dmitry, resembles the arrangement of their respective characters in “Dimitri the Impostor” (“Димитрий Самозванец”), “The Captain’s Daughter” (“Капитанская дочка”), “Prince Serebryanu” (“Князь Серебряный”).

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2023. № 1

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 1

The complex of plot-forming motives in the novel, which is stable in historical novelistics and in Sergienko's work, is complicated by original motives. These are the motives of impracticable plans, the "crossing" of the paths of the heroes as manifestations of the determinism they realize, the motives of love and creativity. Mutual love, creation, participation in the defense of the Fatherland overcomes the destructive element of life, the unrealized plans and the harmony sought by the heroes of the novel is achieved. Another motif is correlated with these motives – peace in different meanings, especially in its understanding as balance in nature, which should be the basis of a harmonious human existence in the world.

The high degree of rapprochement between the writer and his protagonists reminds of the works of Sergienko's contemporaries, whose heroes accept an absurd reality and find the strength to resist it.

In the novel "Ksenia", starting from previous works about the Russian crisis of the early 17<sup>th</sup> century and taking into account the traditions of historical prose and knowledge about the catastrophic experience of the 20<sup>th</sup> century, the writer offers his view on the cause-and-effect relationships of the events of the Time of Troubles.

*Keywords*

K. Sergienko, "Ksenia", historical novel, intertextual connections, plot, motive

*For citation*

Vladimirov O. N. The Novel by Konstantin Sergienko "Ksenia": Reading Contexts. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 1, pp. 123–138. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-1-123-138

В анализе почти не изученного романа «Ксения» (1987), обращенного к русской истории начала XVII в., нельзя не учесть традиции исторического романа и предыдущие художественные интерпретации сюжета о событиях Смутного времени. Эти исследовательские перспективы, неизбежно связанные с выявлением межтекстовых связей, не отменяют внутритекстового прочтения произведения и дополняются его рассмотрением в ряду других книг писателя. Для изучения «Ксении» значимы, хотя и в меньшей степени, чем эти контексты, социокультурная ситуация и историческая литература 1970–1990-х гг.

К традиционным сюжетобразующим мотивам исторического романа, усвоенным и развитым в «Ксении», относятся странствия героя, частного человека; его судьба, изображенная в историческом процессе, в кризисную эпоху, в которую герой вовлечен помимо воли; его любовь, преодолевающая разные препятствия и сопряженная с тайной. В соответствии с этой традицией вымышленный персонаж Михаил Туренев представлен как историческое лицо, принимающее непосредственное участие в событиях начала XVII в. В статусе центрального персонажа Туренев уравнен в книге с подлинными деятелями той эпохи. Становясь в конце своего недолгого пути защитником Родины, он, как и положено в исторической прозе, не принадлежит ни к одной из противоборствующих сторон (царь Борис – Лжедмитрий), но имеет отношение к обеим, что дает возможность автору максимально пластично изложить свою версию кризисной эпохи и способствует объективизации ее изображения в этом первом в творчестве писателя произведении с безличной формой повествования.

К. Сергиенко следует также традиции включать в произведение этого жанра исторических персонажей, как и персонажей, противопоставленных друг другу, представляющих разные социально- и культурно-исторические силы. Среди романистов, на чей опыт опирался автор «Ксении», – В. Скотт, А. С. Пушкин

(«Капитанская дочка»), А. К. Толстой («Князь Серебряный»), Л. Н. Толстой, А. Н. Толстой. (Подробнее об историческом романе см.: [Малкина, 2001].) Как писателю, публиковавшему свои книги в издательстве «Детская литература», Сергиенко не могли не быть известны исторические произведения для подростков отечественных авторов (З. К. Шишова, С. А. Могилевская, С. И. Фингарет, О. М. Гурьян), также ориентированные на традиции исторической прозы.

От этого исследовательского аспекта неотделимо соотнесение книги с предыдущими интерпретациями сюжета о событиях русской истории начала XVII в. В их ряду – трагедии Сумарокова «Дмитрий Самозванец», Пушкина «Борис Годунов», драматическая трилогия А. К. Толстого «Царь Борис» (Ксения – действующее лицо в третьей пьесе с тем же названием), трагедия И. Л. Сельвинского «Царевна-Лебедь».

В центре многонаселенного романа – три героя: Ксения Годунова, Михаил Туренев, Самозванец. Первых двух автор доводит до эпилога. Сроку жизни Ксении – 40 годам – соответствует время действия романа. Центральное место героини в системе персонажей подтверждено и названием книги, и кольцевой композицией – от рождения Ксении и наречения ее этим именем (в прологе) до объявления (в эпилоге) князем Дмитрием Пожарским имени своей дочери в честь царевны Ксении: «То имя светлое, имя святое...». Пожелание Борисом счастья дочери «Живи, дочушка. <...> Спи, Ксенюшка, будешь счастливой» (Сергиенко, 1987, с. 10)<sup>1</sup> повторяется в напутствии Пожарским своей новорожденной: «Живи, Ксенюшка, Ксения... Живи, милая моя Акся. Нынче самое время жить. Возьми себе счастья полные горсти. Возьми и за ту, какой его не досталось. Поживи за нее. Счастлива будь, дочь моя Ксения...» (с. 310).

Имя героине дает царь Иоанн «в честь» своего «гостевания» у Бориса Годунова, и он же объясняет хозяину значение этого имени: «...гостя, странница, посетившая дом» (с. 9). К концу книги это значение углубляется: гостя в земном несовершенном мире, странница, выполнившая свое высокое жизненное предназначение.

Если Ксения Пожарская – наследница царевны Ксении, то сын Нечая Кольванова Иван – преемник Михаила Туренева, «ладного <...> человека, всезная и воина», по характеристике Пожарского. «Я тебя, Ваня, тоже в ученье пошлю», – обещает князь «отроку пятнадцати лет» (с. 309).

Путь же Самозванца ограничен двумя первыми частями книги, обрывается с его смертью. До третьей части линии его и Туренева развиваются параллельно, в третьей история Самозванца продолжается на втором плане Лжедмитрием II («тушинским ворм») и Лжедмитрием III. Место каждого из самозванцев в сюжете книги соответствует их исторической роли и подчиняется принципу обратной градации: Лжедмитрий действует в двух первых частях книги, второй – примерно в двух третях последней части, о третьем – одно предложение в конце романа («В Пскове вынырнул новый Дмитрий, теперь уже третий по счету, сразу намутил воду, и кое-кто присягнул ему» (с. 290)). Прием градации усилен способом сообщения о смерти каждого: прямо показана расправа над первым, об убийстве второго пишет Фидлер, об исчезновении третьего ничего не сказано.

---

<sup>1</sup> Далее роман цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.

Самозванство героя, призрачность его присутствия в истории подчеркивается не только его растроением и приемом градации. «Возвышеньё» свое «черноризец» Григорий Отрепьев начинает со лжи: «<...> умирал ложно, как ложной сделалась и вся остальная его жизнь» (с. 101). У него, как и у пушкинского Самозванца, нет одного имени, в отличие от Михаила Туренева. Прежде чем представиться Ксении «Григореем» Отрепьевым, он фигурирует без имени под местоименными обозначениями «тот, кто», «он», «кто-то» или – как «кинок», «чернец», «черноризец». Его (и других самозванцев) мнимость подтверждают прозвища Самозванец, Лжедмитрий («В лагере открыто говорили, что тушинский царь такой же двуименитец, как недавний московский» (с. 246); косвенное сообщение (Фидлера в его записках) об убийстве второго Лжедмитрия; продолжение книги без самозванцев, в отличие от доведенных до эпилога Ксении и Михаила. Уже первое появление в книге этого героя, жаждущего увидеть спящую царевну, как и первая сцена с Самозванцем в пушкинской трагедии (его пробуждение в келье Пимена), подчеркнута иллюзорно: «<...> под окном Ксении, в сером тумане дождливого утра безмолвно стоял человек в черном монашьем куколе <...>» (с. 11).

Фамилия Туренев, вероятно, взята из «Повести смутного времени (Из рукописной книги князя Туренева)» А. Н. Толстого (1922), первоначально названной «Краткое жизнеописание блаженного Нифонта» с тем же подзаголовком. Основания для этого предположения: одно время действия в книгах Толстого и Сергиенко; как и у Толстого, Туренев у Сергиенко – свидетель Смутного времени, но в отличие от толстовского героя, еще и участник тогдашних событий. С другими героями Сергиенко (Кеесом в «Кеесе Адмирале Тюльпанов», Майком в повести «Увези нас, Пегас!», пишущими о важнейших событиях своего детства, Дмитрием Почиваловым в «Тетради в сафьяновом переплете», свой «путевой дневник преобразующим» в повествование» (Сергиенко, 1989, с. 7)) этого толстовского персонажа сближает его возраст: в старости он рассказывает о событиях, очевидцем которых был в детстве и юности. Повествователь в «Ксении» так объясняет происхождение имени героя: «Прозванье ему дали Туренев от иноземного слова “тур”, башня, с тем чтоб учился строить всякие укрепления и города» (с. 38). У Толстого Туренев – фамилия княжеская, этимология ее не приводится. Еще одним источником этого имени мог быть князь Туренин, персонаж второй трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович».

Будущий Лжедмитрий в «Ксении», прежде чем стать монахом, воспитывался матерью, как и Туренев в повести Толстого (отца этого героя в книге Сергиенко, стрельца, убили «люторы»). Толстовский Туренев, таким образом, – один из источников обоих сергиенковских персонажей.

По месту и роли в развитии сюжета Самозванец сопоставим не с Шуйским, как у Сумарокова, не с Борисом Годуновым, как в трагедии Пушкина, а с Туреневым и с Ксенией.

Самозванец у Пушкина одержим стремлением к власти, но эта воля к власти самодостаточна (власть ради власти). Сергиенковский герой движим всепоглощающей любовью к Ксении, власть ему нужна для сближения с ней. Будучи черноризцем, он пишет тропарь в ее честь, став царем и тщетно добиваясь ее покорности, напоминает ей об этом именованном песнопении: «Он до сих пор звучит в моей душе. В ней ты всегда будешь гостьей, странницей, и я всегда буду сла-

вить свое имя» (с. 175). Страсть к Ксении пробудила в нем парапсихические способности, благодаря им он знает и о великом призвании царевны, и о своей силе от безответной любви к ней: «Даже брань твоя наполняет меня светом» (с. 176). Знание это спасает ее от его объятий, в отличие от Ксении, обесчещенной Лжедмитрием в трагедии Сельвинского «Царевна-Лебедь». Во всех случаях Самозванцы далеки от актуальных государственных проблем, их пути к царствованию и его достижение только увеличивают смуту, множат народные беды. «<...> много страданий принесла русской земле та перемена» (с. 102), – сообщается об объявлении «помиравшим» Отрепьевым себя Дмитрием-царевичем.

Влияние пушкинской трагедии заметно в упоминании предка поэта. Двое Пушкиных в «Борисе Годунове», Афанасий Михайлович и Гаврила Григорьевич, в соответствии с карамзинской версией событий Смутного времени – противники власти царя. Таковы у Сергиенко и «самозванцевы люди, Гаврила Пушкин да Наум Плещеев», читавшие «грамоту Самозванца с Лобного места» (с. 160). Из двух Пушкиных в «Борисе Годунове» писатель выбрал реального Гаврилу Пушкина. Юродивый по имени Николка и по прозвищу Железный Колпак, появляющийся только в одной сцене трагедии, в прологе «Ксении» преобразован в юродивого Ваську Большого Колпака при царе Иоанне и в сквозного персонажа Пронку Протатуга, становящегося блаженным Пронкой Тихим. У него в конце книги та же роль, что и у юродивого в пушкинской трагедии, – представлять «высшую правду», быть «оком истории, “гласом народа, гласом Божиим”, воплем совести народной», по выражению В. С. Непомнящего [2019, с. 87]. Именно Пронке, испускающему свой грех предательства Нечая, автор доверяет предсказать народу, что «есть одна душенька», которая «страданья за всех одна примет» (с. 141). После убийства царицы и царевича он подтверждает предсказание: «Я говорил, есть душа. А душу чем потравишь? Коль чиста, не продажна, никакое зелье не возьмет» (с. 169). В борьбе с поляками он становится ополченцем («Не продаст Пронка русскую землю»), встречает Ксению и помогает ее лечебнице («Я тебя знаю, душа пресветлая! Ты одна словно звездочка в темях ночных. На тебя уповаю, тебя защитить хочу. Пронка с тобой пойдет. Пронка спасет тебя от гибели» (с. 298), – и спасает от «латинов», призывая Нечая и Михаила на помощь Ксении и ее лечебнице.

Любовный треугольник, образуемый Ксенией, антиподами-соперниками Михаилом Туреневым и Лжедмитрием, напоминает расстановку соответствующих им персонажей в «Димитрии Самозванце», «Капитанской дочке», «Князе Серебряном»: Ксения Шуйская, Георгий, Димитрий Самозванец – Маша Миронова, Гринёв, Швабрин – Елена Морозова, князя Серебряный, Вяземский.

Туренев, Георгий, Гринёв, Серебряный движимы законами чести (нравственным противостоянием произволу, верностью присяге), ответственны за судьбу Отечества; их любовь к героиням взаимна (с той только поправкой, что Туренев не сразу узнаёт в Ксении ту, которая не раз его спасала). Линии же Лжедмитрия, Димитрия Самозванца, Швабрина, Вяземского подчинены личным интересам, стремлению преодолеть безответность возлюбленных и добиться взаимности, их грубые страсти противопоставлены чистым, высоким чувствам их соперников.

Эти сопоставления можно продолжить. Лжедмитрий внешне и внутренне подобен Швабрину: некрасив и бесчестен. В то же время оба образованны. Ксения, как и Елена Дмитриевна, становится монахиней и, как и ее предшественница, пе-

реживает обоих соперников в любви к ней – Туренева и Лжедмитрия. Серебряный, как и Туренев, убит врагами, татарами; убиты, соответственно, Вяземский и Лжедмитрий. Ксения Годунова, как и Маша Миронова, духовно выше своей среды, ее условностей.

Та же схема отношений между тремя главными героями сохраняется в трагедии И. Сельвинского «Царевна-Лебедь» (1966): Ксения – Пожарский – Лжедмитрий, но здесь характеристики Ксении и особенно Пожарского и их взаимоотношения не возвышенно-романтизированы, как в предыдущих произведениях, а приземленно-реалистичны.

В контекст произведений-предшественников «Ксении» может быть включен адресованный подросткам исторический роман З. К. Шишовой «Джек-Соломинка» (1943) с похожими отношениями главных героев – Джека Струа, Джоанны, Саймона Бёрли.

На обозначенную взаимосвязь действующих лиц не мог не повлиять учтенный Пушкиным и продолженный последующими писателями опыт Вальтер Скотта как исторического романиста. Соперники-антиподы и героиня отсылают к «Роб Рою» (Фрэнк Осбалдистон и Рэшли, мисс Диана Вернон). Скотт, в свою очередь, отгалкивался от филдинговского любовного треугольника с теми же характеристиками его сторон и их отношениями (взаимная любовь положительных Тома Джонса и Софьи Вестерн, противопоставление Тома Джонса резко отрицательному Блайфилу).

Следы влияния предшественников не исчерпываются приведенными сопоставлениями. Отметим, например, сюжетное совпадение «Князя Серебряного» и «Ксении»: Никита Серебряный, не рожденный для переговоров, возвращается из Литвы, где он был послом пять лет, не зная о введенной в России опричнине, – Михаил, сопротивлявшийся поручению Бориса Годунова искать нового жениха для дочери, возвращается из «дацких земель» во время наступления Лжедмитрия.

Устойчивый в исторической романистике комплекс сюжетно-фабульных мотивов в книге Сергиенко усложнен оригинальными мотивами. Один из них – мотив недостижимости задуманного (намерений, программ, проектов) едва ли не всеми героями (царем Борисом, царевичем Федором, Лжедмитрием, Мариной Мнишек, Пронкой, Нечаем, Иоганном, Свербицким, Фидлером и др.). Черда не реализованных планов начата неудавшимся расчетом стрельца Пронки предать Нечая Кольванова и получить место десятского. Это был выбор рядового человека. У сергиенковского царя Бориса, как и у его прототипа, выбора не было: «Годунов был обречен историей на бесславный конец» [Сахаров, 1987, с. 314]. Этот персонаж унаследовал вину пушкинского героя, взвалившего на себя непосильное бремя власти, и вину толстовского царя Бориса за все его преступления, прежде всего – за убийство царевича Димитрия. Вместе с тем причина невыполнимости замыслов в государственном строительстве царя и его падения – и в понимании онтологии своей исторической роли – того, что «царское место так и устроено, чтобы тянулись к нему руки со всех сторон» (с. 50); «Дал обет царь Годунов крови не лить, и не лили, а всё равно умирали негодные люди...» (с. 33). Осознаёт это и принц Иоганн: «<...> мы лишь пешки в шахматной игре» (с. 94), – и входящий в роль царя Самозванец: «<...> он понимал, что исполняют далеко не всё, что обещано» (с. 129). Не удаются и попытки Бориса выдать дочь замуж. Не осу-

ществляются планы Нечая Колыванова, утверждающего свое право на независимость в условиях опричнины: «Я сам себе голова, я жизнь свою строить хочу» (с. 23). Он же, ставший «атаманом разбойным», не сможет научить грамоте своих «разбоев», как и уйти в леса, построить город: «<...> будут там жить все равные, ни бояр, ни князей» (с. 84). Не вышло у «тайных людей» убить Терешку и выдать его за негленного царевича, а Борису намекнуть на живого истинного царевича: Нечай спасает Терешку. Не суждено сбыться обещаниям Федора: «Как стану царем, открою гимнасий и повелю сделать хроники и чертежи» (с. 63). Не достигают своего Лжедмитрий и Марина Мнишек, бывшая царицей несколько дней. «Пустой» оказалась «затея с царствованием Владислава» (с. 282). Не получилось у Фидлера свои записки «превратить в книгу и по возвращении на родину издать в напечатанном виде» (с. 124). Не выполнил поручения приехавший в Россию Свербицкий – не успел выбрать образцов уральских камней.

Отказывается от попыток строительства своего идеального города Михаил, и не только из-за непреодолимых обстоятельств, но и из-за постепенно осознаваемой утопичности этого проекта и необходимости участия в борьбе народа против иноземцев. Не удалось ему и спасти Федора.

Неосуществимость планов, как и «скрещения» путей героев, их любви, симпатии, привязанности, – проявление осознаваемой ими детерминированности. «Бог нас сводит, пути наши крестит, когда же одну дорогу положит?» (с. 248), «Да ты всё одно со мной будешь, я знаю. Иначе зачем господь бог шлет эти встречи...» (с. 249), – обращается царевна-черница к лежащему в беспомощности Михаилу. С этими словами и интонациями перекликаются признания Михаила Нечая при очередных их встречах: «Судьба нас с тобой свела, перекрестила» (с. 135), «Я вот к тебе привязался. Судьба нас сводит» (с. 261). О своем знакомстве с Михаилом Иоганн провидчески замечает: «Судьба послала мне нужную встречу» (с. 41). Царевич Федор говорит Михаилу: «Сам бог привел тебя на Москву. Ты мне нужен, я слышал давно про твою ученость» (с. 92). Так же сказано и о другом сближении: «Судьба свела Михаила с князем Пожарским» (с. 280).

Переживаемая Иоганном безответная любовь способствует его рассуждениям о предопределенности человеческих судеб: «Всех нас ведет провидение, – говорит он Михаилу. – Должно быть, тем, кто смотрит на нас сверху, смешны эти разговоры, неужто ты веришь, что всё можно повернуть по человеческому усмотрению?» (с. 49). Далее он соотносит Дюрера и Грюневальда, восхищающих Туренева, с Босхом: «В моем замке висит также и картина Босха ван Акена», – и замечает: «Человек творит не только прекрасное, но и ужасное, а проще сказать, не ведает, что творит» (с. 49). Размышления Иоганна созвучны убеждению Свербицкого, другого приятеля Михаила, в неизменности социальной истории и его неверию, в отличие от Михаила, «в возвышение человека»: «И дальше всё будет так же, как тысячу лет назад» (с. 190–191). Михаил, улавливая и понимая знаки провидения, чем дальше, тем больше втягиваясь в трагический исторический процесс, не разочаровывается в возможности человека преодолевать судьбу. В еще одном диалоге с Туреневым Иоганн, сетуя на свою «безутешную» любовь, задается вопросом: «Так где же гармония в мире, когда ее нет в самом главном, в любви?» (с. 73), резонирующим с вопросом Михаила, «вновь и вновь» задаваемым им себе: «<...> отчего творение размерное человеческого ума уступает бездумному творению времени?» (с. 39).



К решению этих вопросов автор приходит в конце романа и в эпилоге. Праведные жизненные пути Ксении и Михаила, вера в достоинство человека приводят их к активной борьбе против интервентов и к последней прижизненной встрече друг с другом, когда герой узнаёт в Ксении ту, которая являлась ему во сне. Не обретя счастья на земле, они находят его в мире ином. В посмертии он едет навстречу ей, собирающей для него полевые цветы, и увозит ее в построенный им, наконец, хрустальный город. Взаимной любовью, постепенно проявляющейся и обретенной в последние «несколько дней» жизни смертельно раненного Михаила, преодолевается разрушительная для них стихия жизни, нереализованность его градостроительных замыслов и достигается искомая героями романа гармония. Тому же способствует мотив творчества. Ксения – известная мастерица-рукодельница с тонким художественным вкусом; «любит петь, умелица в этом не меньшая, чем в шитье» (с. 68); «Давно обозначилось в ней умение ставить на ноги больных» (с. 238). Михаил, «более всего преуспевающий в науке зодчества», «рисовал, музицировал. Изобретал невиданные вещи» (с. 39). «Мое призвание в созидании», – утверждает герой. Созидание в книге противопоставлено неосуществимым политическим планам, сопряженным с «несчастьем, бедой, голодом, смертью» (с. 190). Жизнеутверждающая деятельность героев должна быть продолжена их наследниками: Ваней, сыном Нечая, и Ксенией, дочерью князя Пожарского.

Пути Ксении и Михаила отмечены чертами жития: честное исполнение земных трудов, служение ближним, связь земной жизни с высшей реальностью (предзнаменованиями, видениями, а также ворожбой и предсказанием Феклицы («Великие испытания ниспосланы тебе (Ксении. – О. В.) с небес» (с. 70)). Об их предназначении друг другу и избранности свидетельствуют и лицо из майского 1602 года сна Ксении, проступавшее на вышитом к замужеству покрове Иоанна Крестителя и оказавшееся лицом Михаила (рефрен в книге); и ее явившееся «невесть откуда» «разумение» узнавать целительное действие лечебных трав (с. 238); и помощь чудотворцев Сергия Радонежского и Николая-угодника в чудесном спасении и выздоровлении Михаила после выстрела «одного из всадников» Фидлера (с. 244); и появление лося перед ним и отхаживавшими его бабушками; сны, в которых он говорил с Ксенией; и переходившее из рук в руки и в конце к ней вернувшееся колечко героини, «возвратное», по оценке Феклицы, и соединившее ее с Михаилом.

Мотив любви в книге представлен прежде всего Ксенией и Михаилом. Но любовь управляет судьбами и других героев. Путь своего возвышения от безвестного сироты и чернеца к царю Лжедмитрий подчинил своей страсти и единственной цели – добиться Ксении. При первой встрече с Ксенией Отрепьев признаётся, что полюбил ее «смертной любовью» (с. 80). «Не нужно царства, не нужно власти, нужно твоей любви» (с. 194), – пытается покорить Ксению ставший государем Самозванец. Важнейшая вежа на этом пути – псевдолюбовь, псевдообручение, псевдовенчание Лжедмитрия и Марины Мнишек: «Молодожены были достойны друг друга, бесчестным путем шли они к своему возвышению <...>» (с. 213). «У нее с детства великие помыслы. Уже в девять лет она сказала мне, что будет королевой» (с. 188), – вспоминает Свербицкий в разговоре с Михаилом. А сама она доверительно сообщает Ксении: «...я не могу никого любить» (с. 270), – уже после смерти Самозванца, не мысля своей жизни без трона. Эта линия тоже включена в метафизический план: «ночное виденье» «того, кто» о пустой, а потом на-

полненной душе (с. 33); «нехороший знак», когда Марина при обручении с Самозванцем «оскользнулась на вощеном полу»; «заминка, неудобство» при обмене обручальными кольцами, вызванное неподготовленностью к этому ритуалу «тугодума» Власьева (с. 186–187).

Между полюсами подлинной взаимной любви и обоюдовыгодной игры в любовь – разные варианты этого мотива в книге: утопившаяся «по любви» и ищущая «любезного своего» «красавица-девка» в «белой рубахе» Аксинья, чье виденье выздоравливающему, а во второй раз – умирающему Михаилу предвещает его посмертную встречу с «белой» Ксенией (не случайно здесь совпадение имен) (с. 245, 305); трудные дороги Нечая Колыванова и Оленки к обретению недолгого счастья; крепнущая взаимность Терешки и Настасьицы; ожидание дедом Скюдумгом своей «женки»; поразившая Михаила «любовная история, описанная в драме малоизвестного англичанина» (с. 145); безответное чувство Иоганна и понимание им корыстного интереса к нему его возлюбленной; растущее стремление Фидлера видеть «панну Марину» «каждый день», заканчивающееся ее «черной неблагодарностью» (с. 294); влечение пана Морица к пленнице (не назвавшей себя Ксенией), «пошлые амурные истории, <...> блуд и измены», по мнению Иоганна, повсеместные в Европе (с. 73).

С этими мотивами соотнесен еще один мотив – покоя в разных значениях. Несчастливый в любви, во всем разуверившийся фаталист Иоганн ищет смерти, призывает ее и умирает. Такое понимание покоя преобладает над другим – сосредоточенностью на любимых занятиях: «<...> давно задумал он бежать в тихое место, чтоб заняться наукой и наблюдениями над звездным небом» (с. 48). Эту единственную для него альтернативу предопределению он предлагает Михаилу, не согласному с ним. Желание покоя как умиротворения посещает и выздоравливающего Михаила. «Остаться здесь навсегда, – размышляет он в благодатных приокских лесах. – Лес это тоже город, его выстроила природа. Самый идеальный город. В нем и жить, не помышляя о других городах, которые всё равно разрушит не один, так другой воитель» (с. 244). Своим пониманием достижения покоя как служения другим делится Ксения с Мариной: «Сердце твое ожесточено. Оставь суету, успокойся. Взгляни на сырых и обделенных, приюти бездомного, исцели раненого, Отдай душу ближним, и свет божий не минет тебя» (с. 271). О покое как желанном и недостижимом отдыхе от смуты и земной бедственной жизни – диалог «москвитов»: «Устал, Ларивон, я биться. Когда же покой наступит? – Ишь чего захотел, покой. Видал ты его, покой? Нету на этом свете никакого покоя...» (с. 279). Михаил Ксении на их пути в небесный хрустальный город говорит о покое как обретенной наконец гармонии: «Там все довольны и счастливы. И нам будем покойно с тобой» (с. 308).

Особое место в книге принадлежит такому пониманию покоя, как равновесие в природе, – цикличности, неизменной смене времен года, долженствующей быть основой гармоничного существования человека в мире. «<...> надо жить, как живет все вокруг, хоть дерево, хоть река, хоть зайчик лесной... Вокруг ходит смерть с косой, так неужто ей покоряться? Нужно жить изо всех сил...» (с. 271), – так выражает это значение покоя Ксения в беседе с Мариной; не случайно о нем доверено сказать центральной героине. Сам же автор (повествователь) представляет его в лирических отступлениях с элементами народного календаря и месяцеслова. В них поэзия вековых сезонных примет, православных праздников, земле-

дельческих работ и хозяйственных забот подчиняет себе нарушения природной повторяемости, вызванные стихийными и историческими бедствиями. Другие функции этих отступлений, как и дневника Фидлера, – смена точек зрения, способствующая объективизации повествования, хронология изображаемых в романе событий. Носителями значения покоя как гармонизирующей жизнь человека связи с природой являются обязательные в прозе Сергиенко мотивы цветов и звезд. В «Ксении» это, в частности, авторский вариант происхождения фитонима «иванда-марья» в лирическом отступлении об июле (с. 262), соотношенный с мотивами любви и верности. В последнем лирическом отступлении об августе, после гибели главного героя, повествователь открыто выражает свое, как и Михаила и Иоганна, влечение к звездному небу, к «тайне иных миров», «где нет горя, несчастья, где всё покойно, безмолвно и вольно. Где все покинувшие нас слетятся с тихой улыбкой, утолят наши боли, возродят надежды, увлекут в парящий небесный чертог» (с. 305).

Цикличность в природе и истории подтверждается системой сопоставлений и повторов. Кроме кольцевой композиции и трех Лжедмитриев, назовем связанные друг с другом три пары: Михаил – Ксения, Нечай – Оленка, Терешка – Настасья. В перспективе этот ряд продолжают Ваня и Акся: ее отец, князь Пожарский, обещает отдать в жены сыну Нечая свою новорожденную дочь: «<...> коль станешь ученым, как Туренев, да отважным, как твой отец <...>» (с. 309). По действенной роли в сюжете эти персонажи соотношены с тремя фантомными Лжедмитриями. Взаимные чувства в каждой паре противопоставлены цепи неразделенных любовей, о которой говорит Иоганн: «Мы любим тех, кто не любит нас, а те любят других и тоже безответно» (с. 72). Предсмертные надежды Иоганна: «Скоро я буду в идеальном городе. Там всё хрустальное, высокое, чистое. Я там буду ее (возлюбленную. – О. В.) ждать. Она всё равно придет, но очищенная, безгрешная, и тогда мы соединимся...» (с. 99) – предвосхищают последние ощущения не достигшего своей мечты Михаила: «Хрустальный город покосился набок. Сначала прозрачными кусками рассыпались купола и главы, потом разлетелось оконное стекло, за ними стены стали оседать звенящей серебряной горкой» (с. 304), – и его слова Ксении о построенном в небе хрустальном городе. С хрусталем сравнивает Ксению Самозванец, осознающий ее недостижимость: «В ее чистый, хрустальный мир войти хочется чистым, хрустальным. А если разбить тот хрусталь, нужны ли осколки?» (с. 198–199).

В сюжете книги важная роль принадлежит двум функциональным круглым предметам – кольцу Ксении и ее же золотому. Кольцо, как было отмечено, возвращается к его владелице и соединяет ее с Михаилом. Кольцо с этим значением она вышивает на кошеле с ефимками, высланном ему как послу. Монета, брошенная ею Отрепьеву за тропарь в ее честь и не раз его спасавшая, означает непреодолимую преграду между ними. Повторяются события, ситуации: Оленка вышила «вместо святого» «лицо любимого», как и Ксения, пораженная этим совпадением (с. 55); два неудачных замужества Ксении; ее встречи с двумя слепыми – Скюдюугом, а потом Ступятой, бывшими свидетелями нечестивых деяний сильных мира сего и поэтому лишенными зрения; созвучны оценки Ксении Пронкой и Скюдюугом: «Грязен язык мой, не в силах коснуться белого имени» (с. 141), «душа пресветлая» (с. 298), «Кака черноризица, белая ты <...> Белая вся <...> белая, белая» (с. 210–211); дважды Михаил оказывается в темнице; герои

спасают «мальцов»: Нечай – Терешку, а Михаил – Ивашку, сына Нечая; дважды смертельно ранен Михаил и оба раза – при участии Фидлера; два раза Михаил встречается со Свербицким и с бабушками Улей и Ненилой; повторяется и видение ему лося и Аксиньи в белом платье.

Эти прочтения романа дополняются его рассмотрением в ряду других книг писателя.

К событиям и деятелям Смутного времени он обращается впервые в «Доме на горе». Друзья зовут героя Царевичем и Лжедмитрием, Данилов вспоминает о поездке с матерью героя в Суздаль и сравнивает ее с царевной Ксенией. Рассказ «Иванов чертёж» – адаптированный для младших школьников вариант «Ксении».

Сюжетной моделью для этого романа и других книг К. Сергиенко является первая его повесть «Кеес Адмирал Тюльпанов». В ней обозначены центральные сюжетобразующие мотивы в творчестве писателя, представленные и в «Ксении» и отчасти совпадающие с традиционными для жанра исторического романа. Герои Сергиенко странствуют со спутниками (как Туренев и принц Иоганн). Сиротство, бездомье, неустойчивость существования персонажей дает им возможность самореализации (открытия иной реальности, воплощения мечты, встречи с судьбоносным случаем). Сироты в «Ксении» – Туренев («безвестный сирота»), «тот, кто», мастерицы у Ксении Оленка и Настасья («сиротинки»), скomorошек Терешка. Одинок и неприкаянны Иоганн (до встречи с Михаилом) и Фидлер. В этой книге в большей степени, чем в других произведениях Сергиенко, путь главных героев представлен не столько как пространственно-временной, сколько как духовное восхождение. «Гостья» и «странница» – значения имени Ксения, определяющие ее судьбу.

В круг обязательных сюжетобразующих мотивов в исторической прозе К. Сергиенко, обозначенных в первой его книге, входит мотив ответственности за судьбу страны. Борьба народа за свою независимость, против иноземного вторжения – историческая основа ряда произведений Сергиенко: в «Ксении» важна сюжетная линия противостояния русских польскому нашествию. Здесь, как и в других исторических книгах писателя, учтена толстовская «скрытая теплота патриотизма».

С мотивом действенного участия в исторических событиях связан мотив мечты героев о земле обетованной, идеальном городе. Здесь это устремления Иоганна, Нечая и в первую очередь «градодельца» Туренева, пытающегося преодолеть «окаменелость идеального чертежа» (с. 39), постепенно осознающего утопичность своего проекта, но не отказывающегося от своей мечты. Эти мотивы дополняет мотив жертвенности. Туренев умирает от пули Фидлера, защищая от ливонских наёмников лечебницу Ксении. (Подробнее о сюжетобразующих мотивах в прозе Сергиенко см.: [Владимиров, 2021].)

Мотив «Россия глазами европейцев», обозначенный в первой повести Сергиенко, развивается в «Ксении» (заочное представление Иоганна о России, знакомство с ней, участие Фидлера в российских событиях и др.). Темы Голландии и России как основная и периферийная в «Кеесе...» здесь, в «Ксении», меняются местами: упоминания о Голландии эпизодичны (в Лейдене с башни Хенгиста Туренев обозревает окрестности, в том числе и те, о которых вспоминает Кеес (с. 36); там же Михаил знакомится с принцем Иоганном, женихом Ксе-

нии (с. 37, 40); «в нидерландской земле перед войной с гишпанцем» «вспыхнула звезда», предохраняющая «государей и властителей» от «злого умысла» (с. 109); «дочка купца из Брабанта» «выучила» Ксению игре на клавикордах (с. 118); в доме «знакового голландца» Михаил «прятал кое-что из своего имущества» (с. 164) и др.). О «Кеесе...» напоминает и обращение писателя к историческим загадкам: здесь – к тайнам Смутного времени, в первой повести – к причинам прекращения осады Лейдена после разрушения городской стены (Иоганн спрашивает у лейденцев о рухнувшей стене «во время штурма испанцев» и о тех, кто ее взорвал (с. 37)).

Еще одним контекстом являются социокультурная ситуация и отечественная литература 1970–1990-х гг.

Ксения и Михаил – представители авторского сознания, каждый из них выступает *alter ego* писателя. (Об отношении К. Сергиенко к своим центральным персонажам см.: [Бахревский, 1990, с. 6–11].) Но и беседы умных и скептических Иоганна и Свербицкого с верящим в человека Михаилом – это диалог с самим собой автора романа, писателя конца XX столетия, знающего о неостребованных уроках истории, повторяемости ее трагических судеб, плачевных результатах многих социальных начинаний. Подобно своему герою Михаилу Туреневу, создавшему «самозрительную трубу», которая «позволя<ла> видеть на далеком расстоянии», но не «умела смотреть в прошлое» (с. 122), К. Сергиенко предпринял в романе попытку взглянуть на Смутное время глазами свидетеля очередного кризисного рубежа веков.

Высокая степень сближения писателя и его протагонистов напоминает о произведениях современников Сергиенко – ср. с героями Ю. Домбровского, Ю. Трифонова, Г. Владимова, В. Быкова, преодолевающих абсурд действительности, противостоящих обесмысливающему потоку жизни, мужественно принимающих реальность и находящих в себе силы для сопротивления ей (Свербицкий о Михаиле: «Вот <...> человек, который не увлечен общим теченьем. Хоть его всё равно снесёт, он борется» (с. 282)). Творчество (созидание), любовь, поддерживаемая свыше, вера в высокое предназначение человека, осознание своего долга и ответственности перед родной землей, любовь к ней и участие в ее защите дают опору в хаотичной действительности Ксении и Михаилу Туреневу, как и героям в произведениях экзистенциального реализма, аллюзивной литературы, постреализма.

Комплекс прочтений романа Сергиенко позволяет сделать выводы о писательской концепции человека и истории. Она творится не только царями, военачальниками, известными историческими деятелями, но и другими людьми, не известными ей или отодвинутыми на периферию в официальных версиях тех или иных событий. Так, сопряжением судеб не известного истории Пронки и Ксении, традиционно мало заметной в исторических хрониках, среди других сюжетных линий романа показано извечное взаимодействие личных волей, сил добра и зла. Глубинное, скрытое в человеческой судьбе и истории противостоит внешнему, явному; частная жизнь, неофициальное свидетельство (записки Фидлера) не менее, а то и более ценны для понимания исторических событий, чем известные сведения о них. Не случайно царь Борис Годунов, Федор, сначала царевич, а потом царь, а также Минин и Пожарский, лидеры ополчения в борьбе с иноземным засильем, Заруцкий, Басманов, Шуйский, Сапега и др. при всём их реальном ис-

торическом значении в книге изображены на втором плане, как и выдуманные Нечай, Пронка, Терешка, Настасья, Фидлер. К тому же автор вместе со Свербицким, другом и оппонентом Михаила, знает о кратковременности единения народа и власти (как, например, после изгнания поляков из Москвы), о непреодолимой повторяемости трагических событий. Человек у Сергиенко показан в хаосе жизни (войны и мира); жестокая реальность, остро переживаемая героями, детерминизм их судеб преодолевается дружбой и любовью к другому, тоже одинокому и неприкаянному, помощью ближнему, верностью своим представлениям о должном.

Подобно тому, как в «Кеесе Адмирале Тюльпанов» писатель создает свою версию прекращения осады испанцами Лейдена, в романе «Ксения», отталкиваясь от предшествующих произведений о российском кризисе начала XVII в. и учитывая традиции исторической прозы и знания о катастрофическом опыте XX в., он предлагает свой взгляд на причинно-следственные связи событий Смутного времени.

### Список литературы

*Бахревский В.* «Пейзаж вечерний осенен догадкой...» // Сергиенко К. К. Боронинское пробуждение: Повесть. М.: Дет. лит., 1990. С. 5–12.

*Владимиров О. Н.* Сюжетообразующие мотивы в книгах К. Сергиенко // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 103–115. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-103-115

*Малкина В. Я.* Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра; на материале русской литературы XIX – начала XX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 216 с.

*Непомнящий В. С.* Театр Пушкина // Непомнящий В. С. Собр. трудов: В 5 т. М.: ИЦ МГИК, 2019. Т. 2. 718 с.

*Сахаров А. Н.* Послесловие // Сергиенко К. К. Ксения: Роман. М.: Дет. лит., 1987. С. 311–318.

### Список источников

*Пушкин А. С.* Борис Годунов // Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2: Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. С. 354–426.

*Пушкин А. С.* Капитанская дочка // Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3: Проза. С. 229–328.

*Скотт В.* Роб Рой // Скотт В. Собр. соч.: В 20 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 5. С. 5–544.

*Сельвинский И. Л.* Стихотворения; Царевна-Лебедь: Трагедия. М.: Худож. лит., 1984. 383 с.

*Сергиенко К. К.* Дом на горе. М.: Молодая гвардия, 1986. 320 с.

*Сергиенко К. К.* Кеес Адмирал Тюльпанов. Опасные и забавные приключения юного лейденца, а также его друзей, рассказанные им самим без хвастовства и утайки: Повесть. М.: Дет. лит., 1975. 256 с.

*Сергиенко К. К.* Ксения: Роман. М.: Дет. лит., 1987. 319 с.

Сергиенко К. К. Тетрадь в сафьяновом переплёте: Повесть. М.: Дет. лит., 1989. 192 с.

Сумароков А. П. Димитрий Самозванец // Русская драматургия XVIII века / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г. Н. Моисеева. М.: Современник, 1987. С. 75–117.

Толстой А. К. Смерть Иоанна Грозного. Царь Федор Иоаннович. Царь Борис // Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М.: ГИХЛ, 1963. Т. 2. Драматические произведения. С. 121–260; 261–400; 401–552.

Толстой А. К. Князь Серебряный // Толстой А. К. Собр. соч.: В 4 т. М.: ГИХЛ, 1964. Т. 3. Художественная проза и публицистика. С. 161–446.

Толстой А. Н. Повесть смутного времени (Из рукописной книги князя Туренева) // Толстой А. Н. Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1972. Т. 2. С. 260–280.

Фильдинг Г. История Тома Джонса, найденьша. М.: Худож. лит., 1973. 880 с.

Шишова З. К. Джек-Соломинка: Роман / Предисловие Виктора Шкловского. М.: Дет. лит., 1984. 304 с.

### References

Bakhrevskiy V. “Peizazh vechernii osenen dogadkoi...” [The evening landscape is overshadowed by a guess...]. In: Sergienko K. K. Borodinskoe probuzhdenie: Povest’ [The Borodino Awakening: The story]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1990, pp. 5–12. (in Russ.)

Malkina V. Ya. Poetika istoricheskogo romana: Problema invarianta i tipologiya zhanra; na materiale russkoy literatury XIX – nachala XX veka [Poetics of the historical novel: The Problem of Invariant and typology of the genre; based on the material of Russian literature of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2001. 216 p. (in Russ.)

Nepomnyashchiy V. S. Teatr Pushkina [Pushkin Theater]. In: Nepomnyashchiy V. S. Collection of works. In 5 vols. Moscow, Moscow State Institute of Culture Publ., 2019, vol. 2, pp. 78–107. (in Russ.)

Sakharov A. N. Posleslovie [Afterword]. In: Sergienko K. K. Kseniya [Ksenia]. Novel. Moscow, Detskaya literatura Publ, 1987, pp. 311–318. (in Russ.)

Vladimirov O. N. Plot-Forming Motives in the Books of K. Sergienko. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 103–115. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-103-115

### List of Sources

Fielding Henry. The History of Tom Jones, a Foundling. Moscow, Artistic literature Publ., 1973, 88 p. (in Russ.)

Pushkin A. S. Boris Godunov. In: Pushkin A. S. Sochineniya [Works]. In 3 vols. Moscow, Artistic literature Publ., 1986, vol. 2, pp. 354–426. (in Russ.)

Pushkin A. S. Kapitanskaya dochka [Captain’s daughter]. In: Pushkin A. S. Sochineniya [Works]. In 3 vols. Moscow, Artistic literature Publ., 1987, vol. 3, pp. 229–328. (in Russ.)

Selvinskiy I. L. Stikhotvoreniya; Tsarevna-Lebed’: Tragediya [Poems: The Swan Princess: Tragedy]. Moscow, Artistic literature Publ., 1984, 383 p. (in Russ.)

Sergienko K. K. Dom na gore [House on the mountain]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1986, 320 p. (in Russ.)

Sergienko K. K. Kees Admiral Tyulpanov. Opasnye i zabavnye priklyucheniya yunogo leydentsa, a takzhe ego druzey, rasskazannye im samim bez khvastovstva i utayki [Kees Amiral Tulips. Dangerous and funny adventures of a young Leiden...]. The story. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1975, 256 p. (in Russ.)

Sergienko K. K. Kseniya [Ksenia]. Novel. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1987, 319 p. (in Russ.)

Sergienko K. K. Tetrad' v saf'yanovom pereplete [A notebook in a morocco cover]. A story. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1989. 192 p. (in Russ.)

Shishova Z. K. Dzhek-Solominka [Jack Straw]. Novel. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1984, 304 p. (in Russ.)

Skott Walter. Rob Roy. In: Scott Walter. Collection of works: In 20 vols. Moscow, State Publishing House of Fiction, 1961, vol. 5, pp. 5–544. (in Russ.)

Sumarokov A. P. Dimitriy Samozvanets [Dimitri the Impostor]. In: Russkaya dramaturgiya XVIII veka [Russian dramaturgy of the 18<sup>th</sup> century]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 75–117. (in Russ.)

Tolstoy A. K. Smert' Ioanna Groznogo. Tsar' Fedor Ioannovich. Tsar' Boris [The death of John the Terrible. Tsar Fyodor Ioannovich. Tsar Boris]. In: Tolstoy A. K. Collection of works. In 4 vols. Moscow, State Publishing House of Fiction, 1963, vol. 2, pp. 121–260; 261–400; 401–552. (in Russ.)

Tolstoy A. K. Knyaz' Serebryanyy [Prince Serebryany]. In: Tolstoy A. K. Collection of works: In 4 vols. Moscow, State Publishing House of Fiction, 1964, vol. 3, pp. 161–446. (in Russ.)

Tolstoy A. N. Povest' Smutnogo vremeni (Iz rukopisnoy knigi knyazya Tureneva) [The Tale of the Time of Troubles (From the handwritten book of Prince Turennev)]. In: Tolstoy A. N. Collection of works. In 8 vols. Moscow, Pravda Publ., 1972, vol. 2, pp. 260–280. (in Russ.)

### **Информация об авторе**

*Олег Николаевич Владимиров*, кандидат филологических наук, доцент

### **Information about the Autor**

*Oleg N. Vladimirov*, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 28.06.2022;  
одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 15.08.2022  
The article was submitted on 28.06.2022;  
approved after reviewing on 15.08.2022; accepted for publication on 15.08.2022*